

Н.К. Данилова*

Самарский государственный университет

СИТУАТИВНЫЕ МАРКЕРЫ В ПОВЕСТВОВАНИИ

N.K. Danilova

Staatliche Universität Samara

SITUATIONSKONSTANTEN DES NARRATIVS

Im Beitrag handelt es sich um das Orientierungssystem des Narrativs, das mit Hilfe von persönlichen, temporalen und lokalen Angaben ausgedrückt wird. Das Zusammenwirken von diesen sprachlichen Kategorien im Erzählakt lässt sie als Regulatoren des Diskursprozesses betrachten.

Растущее внимание современных исследователей языка к тому, как организовано повествование, объясняется особенностями языкового моделирования действительности в этой сфере общения. Не ограниченное непосредственной связью с реальностью воспроизведение «возможных миров» подчиняется определенным законам, имманентным языку и сознанию. В последующем изложении речь пойдет о том, каким закономерностям подчиняется процесс рождения условного мира повествования.

Предметное содержание моделирующей деятельности в нарративной коммуникации существенно отличается от подобного в других сферах общения. Одно из основных положений, определяющих повествовательный процесс и сближающих его с языковым моделированием в других сферах коммуникации, содержит утверждение о том, что создаваемые нарративные модели отсыла-

* © Данилова Н.К., 2010

ют к существующим в сознании носителей языка целостным конструкциям, названным З.Й. Шмидтом «*историями*» [1]. «Истории», или классы ситуаций, выступают как необходимое условие для взаимодействия разделенных пространством и временем реальных участников литературного диалога.

«Истории» выделяются на основании общих категориальных признаков, так, вещи и события существуют и совершаются в физически определенном и измеримом времени, свойственном сфере восприятия [2, p.100]. Идентифицируемый объект может получить категоризацию как движущееся тело или как личность, при этом способы категоризации указывают на различные *структуры действий*: для идентификации предмета – измерение пространства и возвращение к предикату, характеризующему восприятие, для идентификации персоны необходимо включение ее в интеракцию. Личности и их высказывания движутся в биографическом и историческом временном горизонте. К предметным характеристикам персон относится социальное пространство, ориентированное на актуальное время (*gegewartszentriert*) и на действие перспективы прошлого и настоящего.

Если объективность внешнего мира, нормативность социальной жизни и интерсубъективность языка осознаются субъектом в процессе рефлексии, субъективность образует тот способ, которым «субъекту явлена его собственная природа». Конститутивная роль субъективности утверждается в противопоставлении внутренней природы внешней природной объективности, нормативности социального общения и интерсубъективности языка. Существование в сознании носителей языка подобных образцов позволяет участникам общения воспроизводить ситуации с помощью ограниченного инвентаря языковых средств.

Сходной точки зрения придерживаются создатели теории ситуаций Дж. Барвайзом и Дж. Перри, анализирующие структуру ситуации в ее организованности объектами, свойствами, отношениями и пространственно-временными областями, в качестве основных характеристик выделяются *способ существования и тип собы-*

тий [3, р. 65]. Существенным новым моментом в этой концепции является включение в описание *точки отсчета*, определяющей рельеф изображения и связанной с эксплицитным или имплицитным субъектом восприятия (перцептором).

В процесс моделирования, кроме того, обязательно включена *интерпретация событий*. Процесс интерпретации ситуации рассматривается в теории ситуаций как *стратегическое взаимодействие*, в котором предполагается влияние субъекта речи на партнеров, побуждающее их принять перспективы, ведущие к правильной интерпретации, и осуществляемое с помощью выбора референциальных выражений.

Способность языка в различных контекстах выражать различные факты (*Effizienz der Sprache*) побуждает авторов различать значение выражения и его интерпретацию в конкретной ситуации высказывания, что влечет за собой необходимость точного определения факторов, изменяющих исходную семантику, к ним авторы относят прагматическое «предусловие» (*Sprecherverbindungen*). Основными факторами контекста, определяющими интерпретацию в целом, кроме отношения говорящего к событиям (предусловия) являются *дискурсивная ситуация* (определенная индивидуальным опытом коммуникантов) и *рекурсивная ситуация*. Дискурсивная ситуация включает такие аспекты высказывания, как говорящий, адресат, место и время высказывания и выражения, входящие в него. Под рекурсивной ситуацией понимают импликации разного рода, позволяющие субъекту речи сообщать дополнительную информацию, не прибегая к ее вербализации. Связь ситуаций обеспечивается индексальностью языковых выражений, традиционно относимой к сфере действия прагматики. Референция в теории ситуаций получает определение как «возможность говорить о вещах, располагающихся в «пространстве говорящего».

Этим целям служат так называемые *пропозициональные установки*, или способы представления событий. Использование пропозициональных установок способно отразить изменение не только в ситуации, но и в положении субъекта действия, в его восприя-

тии ситуации, внешняя «сцена» становится тем самым предметом восприятия, само изменение восприятия означает одновременно «изменение сцены». Два направления изменения, изменение самой «сцены» и изменение когнитивной ситуации субъекта восприятия, служат взаимному определению обоих конститuentов. Определение когнитивной перспективы с учетом обоих параметров, точки отсчета и характера «сцены», позволяет выделить репрезентированный тип «ситуации восприятия» (*repräsentierte Wahrnehmung*) и «поле референции» (*Referenzfeld*).

Особой «чуткостью» по отношению к дискурсивной ситуации (*sensitiv bzgl. der Diskurssituation*) и «нечуткостью» по отношению к связи говорящего с объектом (*insensitiv bzgl. der Sprecherverbindungen*) наделены категория времени и личный дейксис. В отличие от местоимений первого и второго лица местоимение третьего лица позволяет с помощью языкового выражения обратиться к объектам, которые располагаются в «поле говорящего». Субъект высказывания как явление дискурсивного синтаксиса становится той инстанцией, благодаря которой возможно рождение «ситуации» как проинтерпретированного факта или события. Роль субъекта высказывания в определении типов явления проявляется в его способности «создавать контексты»; так, воспринимающий субъект проявляет значения процессов и состояний, интерпретирующий субъект создает контекст для событий и поступков.

Сделанные в предшествующие годы наблюдения позволяют, таким образом, утверждать, что процесс языкового моделирования действительности отличается системностью особого рода, обусловленной не только законами языка, но и целями и стратегическим характером коммуникативно-познавательной деятельности. Концептуальные схемы, служащие связыванию создаваемого в повествовании «образа мира», выступают не только как репрезентации представлений, свойственных индивидуальному опыту сосубъектов общения, но и являются одновременно средством создания новых ментальных образцов в непрекращающемся коммуникативном процессе.

В этом процессе особая регулятивная функция отводится категории времени и дейксису, как уже было упомянуто выше. Категория времени представляет собой обязательную категорию глагола, которая всегда получает выражение в процессе высказывания. В значении грамматических категорий времени в качестве индексального компонента значения выступает соответствие событий времени говорения о них, получающее в «лингвистике времени» Г. Фатера (Zeit-Linguistik) название «факт дефолта» (Defaultfall). Определение времени, используемое Г. Фатером, основано на представлении о нем как одноместной переменной с ориентацией на прошлое и будущее (eine eindimensionale Variable mit Vergangenheits-Zukunftsorientierung) [4, p. 28].

Основным параметром времени, согласно Г. Фатеру, является Jetzt, относительно которого всегда определяется прошлое и будущее, именно это отношение образует основу языковой категории времени. Возможность существования бесчисленного множества временных осей связано с принципиальной возможностью выбора любого события в качестве исходного пункта для временного отсчета. Временная система времени имеет дело в конечном итоге не со временем, а с определенным *способом организации событий*, которые могут быть измерены, имеют начало, середину и конец, однонаправлены, образуют секвенции или серии, могут быть циклическими или не иметь этого признака.

Суммируя сказанное, можно выделить определенную группу регуляторов процесса моделирования, общей функцией которых является указание на ситуацию, что позволяет говорить о них как о *ситуативных маркерах*. К подобным средствам, которые предназначены для определения точки отсчета, способа организации событий, определения субъекта и вместе с ним типа ситуации, следует в первую очередь отнести категорию времени и личный дейксис. Проследим, как действуют эти регуляторы коммуникативного процесса в повествовательных текстах.

Рассказ Г. Гессе «Dorf» открывается секвенцией, в которой субъект высказывания выступает как субъект рефлексии: (1) Das erste

Dorf auf der Südseite der Berge. Hier beginnt erst recht das Wanderleben, das ich liebe, das ziellose Schweifen, die sonnigen Rasten, das befreite Vagabundentum. Ich neige sehr dazu, auf dem Rucksack zu leben und Fransen auf den Hosen zu haben [5, s. 27]. Представляющий систему Origo личный дейксис (**ich**) связывает внешний (наблюдаемый) мир с внутренним миром рассказчика, который сам становится объектом изображения, факт, получающий отражение в структуре высказывания в процедуре ее последовательной тематизации.

Эмотивный модус, получающий выражение в предикатах «lieben» и «neigen», включает оценку, смещающую событие в плоскость личного опыта и свидетельствующую о смене перцептивного модуса чувственно-рефлексивным. Движение от конкретного факта (Das erste Dorf auf der Südseite der Berge) к фрейму «Wanderleben», являющемуся предметом описания, сопровождается экспрессивной квалификацией ситуации. Прототипический образ das Schweifen, die Rasten, das Vagabundentum и образно-оценочное представление ziellos, sonnig, befreit позволяют возникающему в тексте образу «жизни-странствия» создавать проинтерпретированное представление, вмещающее элементы личностного опыта.

Перспектива мысли меняет свое направление, что получает выражение в смене перцептивного модуса рефлексивным, и отражает движение от индивидуального переживания в направлении конвенциональных образов, получающих выражение с помощью фразеологизмов auf dem Rucksack leben, Fransen auf den Hosen haben, способных представлять универсальный концепт das Wanderleben. В двойственной организации высказывания, в которой сохранение коммуникативной перспективы говорящего создает иллюзию неизменности изображаемых объектов и отношений между ними, изменение касается в этом случае самой структуры действия. В именной группе, называющей объект, используется определенный артикль, отсылающий не только к конкретному референту, но и к типу явлений (das erste Dorf), что заставляет предположить особый, «заместительный» характер наименования, представляю-

щего какое-то другое явление (концепт Родины). Изменение в перспективе мысли создается переключением с индивидуальной на универсальную модель, что достигается с помощью когнитивных модусов репрезентации, в реализации которых участвует морфологическое время.

В «сцене», открывающей дискурс рассказывания, дейктическое указание *hier* имеет двойную проекцию: к однозначной номинации *das erste Dorf auf der Südseite der Berge* и к субъекту высказывания *ich*, – благодаря этому оно становится своего рода организующим центром этой последовательности высказываний (секвенции). Макроструктура начальной секвенции имеет в итоге следующую диспозицию: *das erste Dorf auf der Südseite der Berge – hier – ich(lieben)- das Wanderleben (das ziellose Schweifen, die sonnigen Rasten, das befreite Vagabundentum) – ich(neigen)-auf dem Rucksack (leben), Fransen auf den Hosen (haben)*.

В следующей секвенции изменение временного рисунка высказывания обозначает переход от дискурса к «истории» (смену собственно локутивных установок): (2) *Während ich mir Wein aus der Pinte ins Freie bringen lasse, fällt mir plötzlich Ferruccio Busoni ein. < > – es ist gar nicht lange her, in Zürich, wir saßen im gewohnten Restaurant zusammen, ich freute mich wieder an Busonis fahlem Geistesgesicht und an der flotten Bewußtheit dieses glänzendsten Antifilisters, den wir heute noch haben. – Wie kommt diese Erinnerung hierher? [5, s. 27].* В качестве маркера повествовательной границы выступает идиоматическая форма *es ist gar nicht lange her, in Zürich*.

Модус восприятия сменяется модусом воспоминания, характеризующим сложную сентенциальную форму, в которой действие получает квалификацию в регистре «рассказывания». Показатель смены коммуникативно-познавательной установки, временная рестрикция (*während*), сигнализируют о мгновенно устанавливаемой связи двух миров, объективного (*Während ich mir Wein aus der Pinte ins Freie bringen lasse*) и субъективного (*fällt mir plötzlich Ferruccio Busoni ein*). Мир, данный в модусе воспоминания, утрачивает

тем самым свою субъективность. Вводимая с помощью глагола «*einfallen*» «история» располагает факты в заданной последовательности, придавая им завершенность, о чем свидетельствует изменение всего пространственно-временного контекста повествования. Ориентир «*hier*» сменяется пространственным ориентиром «*in Zürich*», время актуальное, подчеркнутое дящимся событием «*Während ich mir Wein aus der Pinte ins Freie bringen lasse*», противопоставлено времени позиционному, выделенному дейктическим временным указанием «*es ist gar nicht lange her*».

«История» в модусе воспоминания («*diese Erinnerung*») внезапно сменяется дискурсом со свойственным ему актуальным модусом, связь с которым устанавливается с помощью дейктического наречия: «*Wie kommt diese Erinnerung hierher?*» Развитие двух соотносенных между собой состояний «истории» определено единством эпистемической перспективы, принадлежащей миру субъекта, который выступает одновременно в качестве субъекта рефлексии и объекта речи. Смена секвенции сигнализируется логической операцией «исключения», подготавливающей следующую фазу развития смысла: (3) *Ich weiss jetzt! In jenem Restaurant saß auch eine junge Frau, hellblond und sehr rotwangig, mit der ich kein Wort sprach. Engel du! Sie anzusehen war Genuss und Qual, wie liebte ich sie eine Stunde lang! Ich war wieder achtzehn Jahre alt* [5, s. 27].

Отклонение от обозначенной схемы восприятия определено включением временного оператора *eine Stunde lang* в процесс, лишенный временных характеристик или в модусе воображения предполагающий наличие оператора *ewig*. Ретроспектива, вводимая глаголом ментального действия *einfallen* и завершающаяся риторическим вопросом «*Wie kommt diese Erinnerung hierher?*», характеризующимся референцией к миру сознания субъекта, дана в отстраненном модусе воспоминания, выраженном претеритом. Принадлежность к регистру «рассказываемого мира» контрастирует с парентетическим высказыванием «*den wir heute noch haben*», благодаря которому выделен момент сравнения, связывающий описываемые события с ситуацией общения. Диссонанс модусов,

актуального и модуса воспоминания, снимается с помощью этих рефлексивных вкраплений, отождествляющих рефлектора с участником событий.

Следующая секвенция возвращает изложение к исходной ситуации рефлексии, знаком чего служит повтор реплики *Ich weiß!* Реплика повторяется, начиная и завершая секвенцию, содержащую суждение, которое имеет форму тождества: *Es ist nicht Busoni, an den ich denke, und nicht Zürich, und nicht Mahler. Das sind die üblichen Täuschungen des Gedächtnisses, wenn es an Unbequemes kommt; es schiebt dann gern harmlose Bilder in den Vordergrund. Ich weiß jetzt!* Вновь покидая «жизненное пространство», субъект возвращается в пространство «игры», где действуют правила обращения с идеальными объектами, условием существования которых является определение условий оперирования с ними, именно этим целям служит выделение объекта через отрицание и его характеристика через установление связи с классом явлений *die üblichen Täuschungen des Gedächtnisses*.

Модус воспоминания возвращает сознание воспринимающего к начальной фазе развития дискурса, становясь не просто своего рода ее продолжением, а повтором в рефлексивной структуре изложения: (4) *Plötzlich ist alles deutlich. Schöne, hellblonde, lustige Frau! Ich weiß nicht mehr, wie du heißt. Ich habe dich eine Stunde lang geliebt, und ich liebe dich heute am sonnigen Sträßchen des Bergdorfes wieder, eine Stunde lang. Niemand hat dich mehr geliebt als ich, niemand hat dir jeweils so viel Kraft über sich eingeräumt wie ich, unbedingte Macht* [5, s. 28]. Суждение о прошедшем приобретает актуальность в эпистемической перспективе, вводимой глаголом *wissen* и осложненной эмотивным модусом, выраженным предикатом *lieben*. Категоричность модусной семантики нарастает из-за использования отрицания, придающего суждению оттенок высшей степени оценки, находящей выражение в семантике атрибута в изолированной позиции *unbedingte Macht*. Перспективная структура секвенции (4) включает перспективы первого и второго лица, созданные двумя модусными проекциями, проекцией воспомина-

ния «Ich habe dich eine Stunde lang geliebt» и проекцией восприятия, отнесенной к внутреннему миру субъекта речи «ich liebe dich heute am sonnigen Sträßchen des Bergdorfes wieder».

Обе позиции участников воображаемого диалога, «Я» и «Ты», соотносимы с объектными обозначениями, *Schöne hellblonde Frau – du* и *ich – Niemand*. Система ориентации отсылает к актуальному событию *ich liebe dich heut am sonnigen Sträßchen des Bergdorfes wieder*, предполагающему тождественное событие в прошлом, оформленное категорией субъективного временного указания (перфектом), чье грамматическое значение содержит указание на актуальность события по отношению к моменту речи. Прочтение актуального события на фоне тождественного ему события в прошлом и на фоне эксклюзивного *Niemand hat dich mehr geliebt als ich* усиливает временной контраст и подчеркивает интенсивность события, данного в актуальном модусе.

Объем рефлексии изменяется по мере того, как изложение утрачивает связь с конкретной ситуацией событий и вновь включает проекцию к фрейму «Wanderleben», что находит отражение в выборе коллективного субъекта *wir* с неопределенной референцией к множеству (классу путешественников): (5) *Wir Wanderer sind alle so beschaffen. Unser Wandertrieb und Vagabundentum ist zu einem großen Teil Liebe, Erotik. < > Wir Wanderer sind darin geübt, Liebeswünsche gerade um ihrer Unerfüllbarkeit willen zu hegen, und jene Liebe, welche eigentlich dem Weib gehörte, spielend zu verteilen an Dorf und Berg, See und Schlucht, an die Kinder am Weg, den Bettler an der Brücke, das Rind auf der Weide, den Vogel, den Schmetterling.* [5, s. 29].

Возвращение к акту рассказывания отмечено использованием ментальных глаголов, выступающих как свидетельство участия субъекта высказывания предшествующей секвенции в повествовании, связь с «историей» сохранена благодаря анафорическому отношению «*wir – Wanderer*». Предикаты, формирующие пропозициональный план этой секвенции дискурса (*beschaffen sein, geübt sein, Liebeswünsche hegen, Liebe verteilen*), характеризуют эмоцио-

нальную и рациональную сферы жизни индивидуума, что определяет направленность вектора интенциональности от внутреннего к внешнему миру. Доказательством этого служит актуализованность объектного мира с помощью пространственно-предметных номинаций (an Dorf und Berg, an die Kinder am Weg, den Bettler an der Brücke, das Rind auf der Weide, den Vogel, den Schmetterling). Содержание последней секвенции образует классифицирующая процедура, определяющая условия приписывания свойств определенному классу объектов, прежде этими свойствами не обладавшему.

В диалогической структуре следующей секвенции получает экспликацию причина особого эмоционального состояния рассказчика: (6) Junge Frau mit dem frischen Gesicht, ich will deinen Namen nicht wissen. Meine Liebe zu dir will ich nicht hegen und mästen. Du bist nicht das Ziel meiner Liebe, sondern ihr Antrieb. <...> Du machst, daß ich in die Welt verliebt bin [5, s. 29]. Являясь одновременно целью и причиной событий, фиктивный адресат выступает тем самым в качестве каузатора эмотивного действия. Фиктивный диалог с воображаемым собеседником принадлежит «пространству рефлексии» и является «диалогом-связкой», служа целям соединения пространства дискурса и «истории», разрыв между которыми обозначился в предшествующих фазах.

Заключительная секвенция принадлежит акту рассказывания: (7) Ach, dummes Gerede! Ich habe heut Nacht, in der Berghütte, von der blonden Frau geträumt. Ich war unsinnig in sie verliebt. Ich hätte den Rest meines Lebens samt allen Wanderfreuden darum gegeben, wenn sie bei mir gewesen wäre. An sie denke ich heut den ganzen Tag. Für sie trinke ich Wein und esse Brot. < > Für sie werde ich ein Lied dichten und mich an diesem roten Wein betrinken [5, s. 30]. Последняя секвенция рассказа Г. Гессе являет пример совершенного симбиоза всевозможных модусов. Ситуация в модусе эмоционально окрашенной рефлексии, отражающая состояние субъекта (Ach, dummes Gerede!), сменяется изображением в модусе воспоминания, выраженном временной формой перфекта (Ich habe heut Nacht, in der Berghütte, von der blonden Frau geträumt). Ich war unsinnig

in sie verliebt. Завершающая изложение авторская рефлексия создается проекциями как в прошлое, характеризующееся модусом воспоминания, так и в будущее со свойственным ему модусом воображения.

В завершение воспроизведем целостный интенциональный рисунок рассказа Г. Гессе «Dorf». Движение от «пространства восприятия» к «пространству рефлексии», акцентное выделение и чередование повествовательных планов, «истории» и дискурса, окончательное утверждение дискурса, окрашенного аксиологическими модальными характеристиками, создают необходимую для взаимодействия субъектов коммуникации динамику ситуаций рассказа Г. Гессе. Функционирование временных форм в этом процессе имеет целью создание когнитивного «контура» повествования, в котором системе *Origo* отведена роль регулятора отношений не только между компонентами «сцены», но и между повествовательными формами.

Библиографический список

1. Шмидт З.Й. «Текст» и «история» как базовые категории // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII. Лингвистика текста. М.: Прогресс, 1978. С. 89–108.
2. Habermas J. Vorstudien und Ergänzungen zur Theorie des kommunikativen Handelns. Frankfurt: Suhrkamp, 1984.
3. Barwise J., Perry J. Situationen und Einstellungen. Grundlagen der Situationssemantik. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1987.
4. Vater Heinz. Einführung in die Sprachwissenschaft. München: Wilhelm Fink Verlag, 1994.
5. Hesse Hermann. Dorf // Hesse Hermann. Wanderung. Frankfurt a. Main: Suhrkamp Verlag, 1984. S. 27–30.